Педагогические науки

УДК 782

В. А. Фролкин

Подготовлено к публикации С. В. Аникиенко

Фролкин Виктор Александрович (1940 –2013), кандидат искусствоведения, член Союза композиторов России, профессор, Краснодарский государственный университет культуры и искусств.

Материал к печати подготовил **Аникиенко Сергей Викторович**, кандидат искусствоведения, член Союза композиторов России, член Союза журналистов России, старший преподаватель кафедры музыковедения, композиции и методики музыкального образования Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: anikienko1966@mai.ru

ОН БЫЛ В МУЗЫКЕ И ОТЦОМ, И НАСТАВНИКОМ...

В. А. Фролкин – один из учеников Щеглова. В дальнейшем автору довелось работать вместе со Щегловым в Краснодарском государственном институте культуры. В статье приводятся воспоминания об Учителе в годы обучения автора в Краснодарском музыкальном училище. Отмечается необычный подход педагога к преподаванию истории музыки, энциклопедичность его знаний, уважительное отношение к студентам. Приводятся факты просветительской работы музыковеда.

Ключевые слова: В.М. Щеглов, методика преподавания, история музыки, Краснодарское музыкальное училище, музыкальное просветительство.

V. A. Frolkin

It is prepared for the publication S.V. Anikienko

Frolkin Victor Aleksandrovich (1940 – 2013), PhD (music art), member of the Union of composers of Russia, professor, Krasnodar state university of culture and arts.

Material was for printing prepared by **Anikienko Sergey Viktorovich**, PhD (music art), the member of the Union of composers of Russia, the member of the Union of journalists of Russia, the senior teacher of department of musicology, composition and technique of music education of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail: anikienko1966@mai.ru

HE WAS IN MUSIC BOTH A FATHER, AND THE MENTOR...

Victor Frolkin is one of Shcheglov's pupils. Further the author happened to work together with Vladimir Shcheglov at the Krasnodar institute of culture. In article memories of the Teacher in the years of training of the author are given in the Krasnodar musical school. Unusual approach of the teacher to teaching history of music, an encyclopedic of his knowledge, respect for students is noted. The facts of educational work of the musicologist are given.

***Keywords*:** Vladimir Shcheglov, teaching technique, music history, Krasnodar musical school, musical enlightenment.

Первые впечатления, как известно, часто бывают самыми яркими и обычно надолго остаются в памяти. Очень отчетливо помню, как начались наши занятия в Краснодарском музыкальном училище по истории музыки. В аудиторию стремительно влетел живой, приветливый, улыбчивый человек, который всем своим видом и необычно колоритной внешностью и манерами ошеломил нас. В нем было нечто такое, что сразу и навсегда покорило наши

юные сердца. Это был Владимир Михайлович Щеглов.

Начались наши занятия с изучения музыки Ференца Листа. К тому времени я уже сознательно и целенаправленно изучал творчество композиторов-классиков; прочитал о Листе все, что было издано на русском языке, вообще внимательно следил за появляющейся новой литературой. Щеглов удивил меня, с одной стороны, широтой знания первоисточников, а с другой – использованием новейших музыковедческих исследований. Помимо бывшей в ходу фундаментальной двухтомной монографии Я. Мильштейна о Листе, в лекции цитировалась только что вышедшая в свет книга венгерского музыковеда Б. Сабольчи «Последние годы Ф. Листа». В. М. Щеглов изложил суть исследования Сабольчи и мастерски сыграл пьесы, помещенные в приложении к книге.

Дело заключалось не только в том, что наш новый педагог указал на работу Сабольчи и привлек наше внимание к поздним, ранее неизвестным фортепианным сочинениям Листа, но и в способе подачи материала, в характере его анализа и трактовки. Меня поразило умение преподавателя четко построить рассказ, правильно расставить акценты, ориентируясь не на отдельные частности, а на культурно-исторические закономерности эпохи, стиля. Его рассказ был составлен из крупных блоков, прекрасно «пригнанных» друг к другу. Я сразу понял свою главную ошибку в изучении истории музыки. Раньше, читая музыковедческие работы, я стремился, прежде всего, запомнить факты, связанные с жизнью и творчеством музыкантов, оставляя почти без внимания характеристику эпохи, культуры, в условиях которой протекало творчество композитора или исполнителя. Преимущества нового для меня в ту пору подхода к анализу музыкально-исторических явлений стали очевидными. Но это еще не все, и может быть не самое главное. Меня поразило отношение Владимира Михайловича к музыке. Его преданность искусству, творческое горение, глубокая эмоциональность сразу вызвали абсолютное доверие и глубокое уважение студентов. Ему хотелось подражать. Было ясно, что он работает на самом

высоком профессиональном уровне.

Я учился тогда на фортепианном и историко-теоретическом отделениях. Кроме того, перевелся с 1-го курса сразу на 4-й, и поэтому имел возможность совершенно свободно посещать лекции на трех курсах (со 2-го по 4-й). Это давало мне право посещать занятия по любой дисциплине и в то же время позволяло пренебрегать нелюбимыми уроками. Владимир Михайлович читал лекции только на 2 курсе у теоретиков. Для меня кощунственной казалась даже мысль о возможности пропускать его занятия.

Владимир Михайлович обладал блестящим актерским даром. Его уроки и лекции содержали, казалось, полный набор ораторских приемов, направленных на поддержание интереса слушателей. Речь его всегда была приподнято-возвышенной, торжественной, и вместе с тем удивительно задушевной. Своеобразная, колоритная, сочная, яркая, красочная и самобытная – она имела уклон в исконно русский говор. Она отличалась мощным эмоциональным накалом и никого не оставляла равнодушным. Слушать Владимира Михайловича доставляло подлинное художественное удовольствие: все подавалось стройно, четко и ясно. Может быть, именно в артистизме заключалась самая существенная особенность облика Щеглова-просветителя.

Меня поражал также тон разговора. Это была не бесстрастная, как часто бывает, лекция, а эмоционально накаленный поток мыслей. Мы все были буквально ошеломлены. Мы никогда, ни прежде, ни позднее, не слышали таких ярких ослепительных выступлений. Все преподносилось глубоко, объемно, и проблемно.

Лекции В. М. Щеглов читал своеобразно: доставал из портфеля множество листков с записями; на этих листках, полагаю, выписывались цитаты, отдельные мысли, идеи, библиографические данные и прочее. По ходу лекции часть листков (иногда весьма значительная) откладывалась в сторону. Отсюда я делаю вывод, что нам предлагались сокращенные варианты консерваторских курсов, разработанных Владимиром

Михайловичем и читанных им в Свердловске.

Хорошо помню – В. М. Щеглов, мельком заглядывая в свои записи, перекладывал их с одной стороны стола или кафедры на другую, останавливался на каких-то из них, но в основном они помогали ему сохранить последовательность в изложении материала, оформить его композиционно.

Поражало и то, что Владимир Михайлович очень ценил живое исполнение музыки. Он стремился всех нас усадить за фортепиано и играть изучаемые произведения. Кто-то стеснялся, кто-то не мог сориентироваться в нотах. Однако Владимир Михайлович настойчиво требовал, чтобы все ученики в группе поочередно читали с ним в ансамбле клавиры. Со временем, правда, произошел «естественный отбор». Случилось так, что я стал постоянным партнером Владимира Михайловича по ансамблевой игре в классе. Разумеется, я гордился своим положением.

Все, что нужно было исполнять на фортепиано в две руки, он иллюстрировал сам. Играл блестяще! К нам в класс нередко заглядывали преподаватели-пианисты и интересовались, кто это так великолепно играет? А мы с гордостью говорили, что это наш новый педагог!

В. М. Щеглов был страстным книгочеем. Казалось, он обладал полным кругом систематических знаний, доступных в его условиях. Любую новую книгу он сразу же «проглатывал», делился свежими впечатлениями даже с нами – учащимися. Меня всегда поражало, что он всегда приходил на занятия с огромным количеством нот и книг. Я слышал, что библиотечные работники были очень недовольны тем, что Щеглов брал очень много литературы и подолгу ее не возвращал. Но ведь это нужно было ему для работы.

Стремясь расширить познания студентов-теоретиков, Владимир Михайлович выходил за пределы программных требований и знакомил молодежь с малоизвестной классикой. В частности, при изучении музыки Р. Вагнера, он последовательно приносил клавиры всех вагнеровских опер,

проигрывал, пропевал все «от корки до корки». Слушая его с огромным вниманием, мы всегда боялись, что помешает звонок. К нашей радости, наш любимый педагог, казалось, не замечал этих звонков и мог заниматься сколько угодно. Не обращал он внимания и на качество инструментов, которые, как правило, были в ужасном состоянии.

Путь к постижению искусства музыки долог и труден. Чтобы произведение стало понятным (не обязательно любимым), следует овладеть технологией музыкального анализа. Владимир Михайлович поступал следующим образом. Он играл несколько фрагментов классической, романтической и современной музыки. Предлагал ряд вопросов. Требовалось внимательно вслушаться в звучание незнакомых сочинений и определить на основе использованных выразительных средств, к какому времени, стилю, автору можно отнести каждое из этих произведений, указать жанровые истоки и даже придумать (угадать) названия пьес. Потом музыкальные фрагменты прослушивались вновь, и проходил живой обмен мнениями. Описанный метод не является чем-то новым, он широко использовался в музыкальной педагогике прошлого и бытует в наши дни. Но все дело в том, как этот способ применялся. Словами это трудно описать. Надо было присутствовать на уроке, видеть наши воодушевленные лица и сияющие глаза, слышать наши увлеченные словесные баталии.

Владимир Михайлович обладал исключительно развитой музыкальностью. Он был музыкантом очень широкого профиля, целостным музыкантом, идеал которого известен нам по великой эпохе Ренессанса. Он играл, пел и говорил с необыкновенным вдохновением, артистизмом и совершенством. Великолепно он мог исполнить любую оперную партию: мужскую и женскую, высокую и низкую, трагическую и комическую. Прекрасная музыкальная память, блестящее чтение нот с листа давали возможность подкреплять своим пением и игрой то, о чем он рассказывал. Три главных качества: колоритная речь, широкая эрудиция и удивительная, проникновенная, поразительная музыкальность делали В. М. Щеглова

уникальной артистической личностью. Позднее мне приходилось слушать многих крупных ученых-музыковедов, превосходных знатоков, но никто из них не обладал столь удивительной способностью «зажечь» аудиторию.

А ведь это, пожалуй, в педагогике самое важное. Невольно вспоминаются слова Плутарха: «Ученик – не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который необходимо зажечь!». Так вот, Щеглов и зажигал всех, кто с ним соприкасался. Все, кто у него учился, – боготворили его. Он был в музыке и отцом, и наставником, и открывал глаза на мир Музыки.

В ту пору в Краснодаре довольно часто устраивались лекции по линии общества «Знание». Выступали преимущественно преподаватели музыкального училища. Владимир Михайлович сразу включился в работу музыкального лектория. С первой же лекции слушатели были покорены новым музыкантом и выражали бурный восторг. Отныне все выступления Владимира Михайловича проходили в переполненных залах и пользовались неизменным успехом. Мне особенно приятно вспомнить, что иногда Владимир Михайлович и меня привлекал в качестве иллюстратора. Чаще это случалось, когда исполнялись четырехручные фортепианные произведения. Хорошо помню, как в лекции, посвященной творчеству М. Равеля, мы играли цикл «Матушка-гусыня»; в других случаях играли ансамбли Шуберта, Грига, Аренского, Рахманинова, Глиэра. Я был счастлив безмерно!

Круг интересов в музыкознании у Владимира Михайловича был чрезвычайно широк. Он учился всегда, активно воспринимая все новое. Помню, Владимир Михайлович решил отметить в институте культуры юбилей знаменитого музыкального теоретика и критика Эдуарда Ганслика, которому официальная советская наука приклеила ярлык «формалиста» в самом, что ни на есть отрицательном значении этого слова. Поскольку в нашей отечественной литературе взгляд на творчество Ганслика был, мягко говоря, нелояльным и несколько однобоким, Владимир Михайлович очень волновался по поводу предстоящей лекции, поскольку не знал, как будет

воспринято его выступление. К тому времени мне уже довелось ознакомиться с появившимися за рубежом публикациями, посвященными Ганслику. Владимир Михайлович был очень рад узнать, что в современной мировой науке взгляд на музыкально-эстетическую концепцию Ганслика кардинально изменился. Результаты нового подхода к Ганслику и его учению, были в чем-то близки к выводам, которые получил Владимир Михайлович, исследуя доступные ему материалы на русском языке. Найдя во мне единомышленника в оценке эстетической позиции Э. Ганслика, Владимир Михайлович не мог сдержать чувства большой радости и душевного облегчения.

Лекцию эту Владимир Михайлович как всегда прочитал очень ярко, увлекательно, хотя по содержанию она была сугубо специальная и предназначалась в первую очередь для коллег-теоретиков кафедры теории и истории музыки института культуры.

Здесь я не могу удержаться и не сказать о том, что деятельность Владимира Михайловича, на мой взгляд, не находила понимания и поддержки в институте культуры. Мне все время казалось, что его не слышат коллеги, не знает и не ценит руководство; не создаются условия, для более полного раскрытия его потенциальных сил. Владимир Михайлович творил в культурном вакууме, не имея возможности общаться с личностями его масштаба и дарования. Краснодар был слишком тесен для диапазона творческих способностей столь богато одаренного природой человека. Он был одинок в своем величии, растрачивал энергию высочайшей пробы на самые обыденные и рутинные дела. Владимир Михайлович вел учебные курсы и читал лекции для студентов, не имеющих подготовки. Из-за малого числа часов, несовершенства учебных программ и планов вуза он был вынужден очень бегло излагать материал. Посудите сами: специалист наивысшей квалификации читает обзорные лекции на заочном отделении факультета культурно-просветительной (клубной) работы. Рационально ли это? Музыканту такого масштаба, таких глубочайших знаний совершенно не

соответствовала среда, в которой он оказался.

Что, у нас в стране много Щегловых? И разве не следует использовать таких людей в соответствии с их знаниями и творческими возможностями? Может быть, я не прав, но ощущение того, что Владимир Михайлович был призван выполнить нечто великое, необыкновенное не покидает меня и сегодня.

Полагаю, он понимал и осознавал свое положение. Оно его, вероятно, не могло удовлетворять – лишь огорчало и ранило. Наверное, Владимир Михайлович от этого глубоко страдал. Факт остается фактом – он все-таки не раскрылся до конца.

В чем Владимир Михайлович мог бы полнее раскрыться? Прежде всего, преуспеть в научных работах, в печатных трудах, публикациях. Человеческая жизнь коротка, книги – более долговечны. Именно по ним будущие поколения смогут судить о деятельности человека. К сожалению, на этом пути – пути науки – Владимир Михайлович не встречал сочувствия, не встречал истинного понимания и поддержки. Мало кому известны его баталии с официальной печатью. Не один раз его попытки честно и открыто высветить острые проблемы музыкально-общественной жизни пресекались редакторами и цензорами. В результате научно-критическая деятельность В. М. Щеглова, крупного музыканта, выдающегося педагога, блестящего лектора-артиста (каких вообще Россия мало рождала) в основном осталась незафиксированной, не нашла адекватного материального выражения. Остается лишь сожалеть, что потомкам будет трудно осмыслить личность этого незаурядного человека, оставившего яркий след в душах знавших его людей.

Как-то раз я проводил анонимное анкетирование студентов института культуры и просил их назвать самых любимых своих педагогов. Показательно, что 98 % опрашиваемых отметили Владимира Михайловича Щеглова, 87 % – преподавателя по литературе И. И. Гусарову (которая, как и Владимир Михайлович, интересовалась киноискусством; они вместе

проводили занятия клуба кинолюбителей в институте культуры). Другие преподаватели не набрали даже 10 %.

В облике В. М. Щеглова было нечто стасовское. Все в нем было надежно, основательно, глубоко, цельно, колоритно, и в то же время изящно, гармонично и деликатно.

С Владимиром Михайловичем мы были духовно близки, тянулись друг к другу. Когда я встречал его, в моей душе что-то поднималось, хотелось с ним побеседовать, «зарядиться» от него. При встрече Владимир Михайлович задавал один и тот же вопрос: «Что нового?» Не «как живешь?» или «какая погода», а «что нового?!» Он имел в виду новое в мире музыки, в искусстве. Это был человек, открытый всему современному; с жадностью он впитывал все, что могло бы обогатить его натуру.

Для всей нашей семьи светлый образ Владимира Михайловича Щеглова остается навсегда близким и дорогим.